

Палачи (Быль)

Зима 1941-42 г.г. была снежной. К началу февраля она засыпала сугробами до крыш стены хат, сараев и хлебов. Частокоты палисадников полностью закрыты снегом, а у высоких изгородей торчали только верхушки, обозначая их местонахождение и направление.

День 6 февраля, пятница, по погоде соответствовал поре года: тихо, светло, умеренный мороз; облака, как вымытая и расчесанная белая овечья шерсть, закрывали небо. Солнце обозначалось светлым пятном.

Фёкла Привалова, жительница дер. Выползово, справив домашние обеденные дела, принялась за вязание. Клубок ниток из овечьей шерсти положила в решето, чтобы был под руками. Рыжий кот сразу овладел добычей, но видя, что его игра хозяйку не интересует, сел рядом и замурлыкал. В хате тишина. Светло и тепло. Мирную обстановку нарушил какой-то шорох и слабый скрип дворовых дверей. Кот прыжком устремился к двери из комнаты, в которую кто-то боязливо царапался, но вход оставался закрытым. Фёкла подумала, что это соседка, родственница, Елизавета Привалова, изба которой стояла напротив, через улицу. Она всегда приходила с выкрутасами. Нарочито громко хозяйка хаты заговорила:

- днем у нас открыто.

Но дверь не открывалась. Вязальщица отложила работу. Она тоже решила подшутить, приготовить слова:

— Чужих не принимаем!

Шутница напыжившись, открыла дверь и онемела. В притемненных сенях маячила тень человека. Придя в себя от испуга, Фёкла глухим голосом выдавила

- Ну заходите..... Напужал-то как... Чаво стоите? В комнату зашла человеческая фигура среднего роста, с непокрытой головой, обросшей спутанными волосами неопределенного оттенка, концы которых кое-где опалены огнем. Вокруг глаз темные круги, в центре которых лихорадочный блеск. На впалых щеках короста обмороженного тела. Опухшие губы с трещинами во многих местах, заполненные запекшейся, а кое-где живой кровью. Они иногда приоткрывались, и в образовавшуюся щель высывался кончик сухого языка, который осторожно двигался от одного до другого уголка рта. Выпиравшие скулы болезненно сжимались, судорожно всасывая то, что попало на язык, а выпиравшийся вперед кадык дёргался то вверх, то вниз, потому что жгучая боль досаждала живому организму. Обмороженные уши, как вареники, с черной полоской в верхней части, придавали лицу одутловатость.

Солдатская фуфайка, большего, чем надо размера, плотно запахнута и затянута брезентовым ремнем. Верхняя ткань ее в некоторых местах прогорела, и оттуда лезли ключья желтой обгорелой ваты. На нижних конечностях складками висели хлопчатобумажные грязные солдатские галифе. Завершали картину обмундирования рваные ботинки с отпавшими подметками спереди, которые были подвязаны полевым телефонным проводом. Из щелей впереди обуви выпирало сено.

Со слезами на глазах, Фёкла оттеснила человека к пристенной скамье и прошепелявила:

- Присядь. Откуда же ты идешь?

Простуженным голосом пришелец просипел:

- Работал на строительстве оборонительных рубежей, под Могилевом. Я из под Семлево, иду домой. Тетя, дайте попить.

Простуженный и охрипший голос жалобно просипел в тишине хаты. Фёкла метнулась к печи, где стоял глиняный горлач, налила в деревянную кружку коричневой

жидкости, в хлебном ларце взяла скибку хлеба и подала незнакомцу. Когда он протянул худющие темные руки с давно не стриженными ногтями под которыми скопилась заразная чернота, Фёкла застонала, толи от женской жалости, толи от боли в материнском сердце, а скорее всего от того и другого вместе, всхлипнув прошептала:

- Попей. Это узвар.

Она присмотрелась к лицу не званого гостя. На участках лица, не тронутых морозной коростой завивались мягкие каштановые волоски, свидетели того, что её часть по возрасту юноша, еще не бравший в руки бритвенного прибора. Как мать, у которой своих двое мальчишек, Мишка и Вовка, Фёкла естественно почувствовала потребность защитить страдающего ребенка, и обратилась к юноше:

- Хотя до твоего дома осталось несколько зимних переходов, в таком виде до него не дойдешь. Замерзнешь по дороге. И родителей напугаешь до смерти. Такого они тебя не узнают. Сейчас отстригу ковтуны на голове, потом вымоешься в лохане и переоденешься в чистое. Парень запротестовал:

- Тетя, дайте кусок хлеба и пару вареных картох и я пойду. Это почти рядом.

- До Дорогобужа 12 км, а от него до Вязьмы по Старой Смоленской дороге 50 км, вот ты и рядом. А сейчас зима, дороги заметены, околеешь в пути. Она пустила в ход свое красноречие и уговоры гостя остаться.

В обширной русской печи стоял ведерный чугунок горячей воды, в кладовой – глубокая деревянная лохань, в бельевом сундуке с давних пор хранились льняные нательные рубахи и кальсоны. Чтобы было жарче в хате, затопила буржуйку. В железную печку положила несколько сухих березовых поленьев, а под них кусок бересты, которую запалила и огонь загудел в трубе.

Через пару часов юноша обстриженный ножницами, одетый в чистое белье и суконные штаны сидел за столом и хлебал деревенские щи.

После съеденной небольшой порции, он перестал отвечать на вопросы и «клевал» носом, и Фёкла отправила его на печь.

При горячей лучине далеко за полночь Фёкла занималась одеждой юноши. Прежде всего, пересмотрела ее. Ботинки, галифе и бязевую истлевшую рубаху бросила в корзину на уничтожение. Пилотку выстирала. Фуфайку тщательно обследовала и отремонтировала: зашила все прогары, заштопала повреждения, перешила крючки, петли и повесила под буржуйкой, чтобы она хорошо просохла. К старым битым валенкам, подшитым кожей подобрала байковые и суконные портянки. Нашла шапку-ушанку из овечьей шкуры, не забыла и про вязанки на руки. Все это приданное сложила на край лавки в стопку, решив завершить ее просохшей фуфайкой утром. Покончив с делами, сотворив молитву, улеглась калачиком на лавку, укрывшись шубой. Чтобы перекурнуть пару часов. Но заснуть не смогла. В голову лезли разные тревожные мысли. Думала:

- Сколько же таких горемык блуждает по лесам и зимним дорогам. Мерзнут, страдают от ран и болезней, голодают и исчезают без вести пропавшие.

Почувствовав, что уже не заснет, встала и подошла к окну. Хата стояла в сизой мгле, на ветвях деревьев изморозь. Глухая тишина. В былые времена в такую пору уже на перегонки орали петухи, Собаки заливались яростным лаем. Все избы слепые, ни огонька, ни дыма из труб. Мертвая зона.

- Ну что же надо готовить завтрак. Свояк, шестнадцатилетний Иван Головкин и сыновья собираются пораньше поехать в лес на заготовку дров – проговорила сама к себе и приступила к печи. Когда совсем стало светло, хозяйка хаты справилась со всеми утренними делами. Ребята санным ходом отправились в лес. Гость изредка похрапывал на теплой печи. По обычаю, оставаясь дома одна, Фёкла занялась вязанием.

Тихо в хате, утренняя суета ушла, рыжий кот сидит рядом и мурлыкает, тянет на сон. В поглотившей дремоте услышала пулеметные очереди, за окнами раздалось чужие гортанные крики и замелькали тени людей, а через несколько секунд, хлопая дверьми и гремя тяжелыми сапогами в хату вломались немецкие солдаты. Фёкла ничего не понимая, пятилась в угол под иконостас, дрожа от испуга. А каратели уже шарили по углам, лезли на чердак, ломались в хлев. Один из разбойников винтовкой с примкнутым плоским штыком тыкал под кровать, в матрасы на кровати и другие закоулки, и штыком подцепил стопку одежды на лавке и сбросил ее на пол.

- Was ist das? Гаркнул немец и еще громче заорал:

- ПАРТИЗАНЕН...

Перепуганная Фёкла от страха не могла ни закричать, ни слова сказать. А серый верзила уже стоял на катухе и лез на печь. Там началась возня. Грохнул выстрел, потянуло пороховым дымом и с катухи на пол упал юноша в белой нательной одежде. Бывшие в хате гитлеровцы подскочили к нему и начали бить прикладами винтовок и колоть штыками. На белом белье юноши появились быстро расплзающиеся алые пятна крови. Кровь потекла по полу, а юношу за ноги палачи волокли наружу.

Обезумевшая Фёкла, с истошным криком бросилась на защиту, но уже вне избы дюжий бандит ударил ее меж лопаток прикладом винтовки и носком тяжелого сапога нанес удар ниже пояса. Жертва ничком упала на снег и потеряла сознание. А палачи творили свое разбойное дело. Из хлева выгоняли скотину в хате перевернули все кверху дном и облили горючей жидкостью.

Обкровавленное тело юноши подволокли к копне соломы, которую опрокинули на тело, а сверху вылили остатки из канистры. Солома шевелилась, свидетельство того, что под ней еще живой организм. Когда в хате забушевал огонь, над копной соломы свечой поднялось пламя, палачи пошли потрошить другие избы. Тогда из подворья Елизаветы Приваловой, выскочили две женщины в верхней одежде на распашку, простоволосые; перебежав улицу они подхватили Фёклу под руки и поволокли в свою хату.

Ближе к вечеру обоз зондеркоманды, отягощенный награбленным имуществом оставил место разбоя и убрался по большаку в сторону Дорогобужа.

Разоренная деревня стыла в ледящей мгле. Безмолвие и безветрие. Всё живое попряталось и затаилось. Девять пожарищ исходили чадом, смрадом горелой шерсти, резины, пороха и тошнотворной примесью не знакомого происхождения. На территории деревни и ее окрестности, на снегу чернели темные пятна четырнадцати убитых палачами деревенских жителей и партизан.

В напоздающих сумерках на улице появились женщины с детьми. Они пробирались к уцелевшим хатам. Проходя мимо того места, где стояла копна соломы, дети прижимались к матерям и прятали лица в складках одежды, пугаясь ранее не ведомого тошнотворного запаха-смрада горелого человеческого тела. На месте сгоревшей копны соломы лежал черный бесформенный ком, из которого выпирали скрюченные руки, ноги и муляж головы. А утром это был юноша. Имя, которого неизвестно, но память о нем вечна.

Сумерки уплотнялись надвигающейся с северо-востока тяжелой серой тучей. Крупные рогатые снежинки плавно опускались на землю, накрывая ее новым белым одеялом. Природа, как бы увидев свою оплошность, что в ее хозяйстве появились, размножились и выросли кровожадные хищники, стремящиеся потопить род людской в его собственной крови, захотела скрыть их злодеяния. Но есть суд Божий.

В этот день, субботу 7 февраля 1942 года погибла почти вся группа партизан д. Выползово и ее командир Ермаков Александр Тихонович, председатель Каськовского сельского Совета, погиб и мой отец Ермаков Николай Антонович.

15 февраля 1942 года г. Дорогобуж освобожден от оккупантов силами сводных партизанских отрядов. Во всем районе установлена Советская власть. 15 февраля Сретение Господне, день рождения отца. До своего сорокалетия он не дожил восемь дней.

Фёкла осталась жива. Её выходили родственники.

28.03.2020 года